

ДЕФЛЯЦИОННО-СПЕКУЛЯТИВНИЙ АНТАГОНИЗМ МОНЕТАРНОГО И ФИСКАЛЬНОГО КУРСОВ НА ЗАПАДЕ

*А.И. Бутук, к.э.н., доцент
Одесский национальный политехнический университет*

Прежде всего следует отметить, что дискреционная монетарная политика (ДМП), как и дискреционная фискальная политика (ДФП), проводившиеся практически всеми странами, особенно, начиная с 2008 г., когда кризис перепроизводства из США докатился почти до всех государств и (пусть в существенно различной мере) затронул фактически всех, были обоснованно (с позиций неокейнсианских канонов) однонаправленными на стимулирование, т.е. ориентированными на преодоление спада посредством поощрения совокупного спроса и предпринимательской активности [1-3], разумеется, в рамках имевшихся неодинаковых возможностей отдельных стран. Иначе говоря, во-первых, в русле мягкой ДМП (политики «дешевых» денег) Центральные банки (ЦБ) «накачивали» свои экономики ликвидностью путем снижения своей учетной ставки (ставки рефинансирования коммерческих банков (КБ)), уменьшения нормы обязательных резервов КБ и скупки государственных долговых бумаг (количественного смягчения), а, во-вторых, в ракурсе поощрительной ДФП парламенты и правительства сокращали налоги, стремясь увеличить налогонеоблагаемые доходы (покупательную способность) и наращивали госрасходы, заполняя возникшие рецессионные прорехи совокупного спроса населения и бизнеса. Вместе с тем, в силу конкурентных преимуществ ряда государств Юго-Востока Земли (в особенности, Китая, Индии и Бразилии с их сравнительно низкими удельными расходами на дисциплинированную, легко обучаемую, трудолюбивую и дешевую рабочую силу) дополнительно хлынувшие денежные потоки в значительной своей части устремились со всего мира именно туда, поскольку производимая указанными странами продукция оказывалась более приемлемой для покупателей по цене, в том числе ЕС, США и Японии, уступивших свой титул «фабрики мира» Юго-Востоку планеты.

Что касается той массы добавочных ликвидных средств, которая осталась на Западе, то она направилась в подавляющей своей доле не на кредитование реального сектора, ибо местные производители, посредники и покупатели, напуганные возможными последствиями своей чрезмерной накопившейся ранее задолженности (в условиях вялой конъюнктуры и высокой безработицы), боялись брать новые займы; а западные КБ опасались их им предоставлять из-за весьма высокой потенциальной вероятности неплатежеспособности

подобных ссудополучателей. Поэтому КБ, получив громадные и дешёвые денежные ресурсы (в рамках мягкой ДМП), либо кредитовали преимущественно фондовых спекулянтов, либо приобретали в основном государственные ценные бумаги, масса которых резко возрасла ввиду беспрецедентного (в мирное время) наращивания госдолга, обусловленного априорно дефицитным характером стимулирующей ДФП. Это вызвало неизбежное «надувание пузыря» фиктивного капитала и скачок спекулятивной мотивации бизнеса, ещё более ограничивавшей возможности развития производственной сферы в западных странах, тем более, что последним не удавалось твердо нейтрализовать дефляцию (как в Японии) или в достаточной степени ускорить (обычно оживляющую рыночную конъюнктуру) умеренную инфляцию спроса, которая упала до сдерживающего уровня, устойчиво оказавшись ниже 2 % прироста цен в годовом измерении в США и ЕС.

При этом катастрофический скачок госдолгов, которые во многих странах Запада либо вплотную приблизились к размеру их годового ВВП (например, в Германии и Франции), либо превысили последние, в том числе в США, Японии и ряде государств Южной Европы, заставили отказаться их элиту от продолжения поощрительной ДФП и перейти к рестриктивному (сдерживающему) ее курсу на фоне фактического сохранения стагнации, иногда сменяющейся очень слабым и неустойчивым оживлением. Понятно, что реализация в обозначенной макроэкономической обстановке сдерживающей ДФП вопиюще антагонизирует с постулатами неокейнсианства. Чтобы не загнать такой рестриктивной ДФП национальные хозяйства в новую волну спада, ЦБ практически всех государств Запада усилили задействование инструментов политики «дешевых» денег: ФРС США осуществила три раунда многотриллионного количественного смягчения (закончив последний из них осенью 2014 г.) и снизила учетную ставку до 0,25 %; Банк Японии продолжает скупку государственных долговых обязательств в небывало огромных масштабах и давно опустил ставку рефинансирования до 0,1 %; ЕЦБ реализовал несколько программ приобретения суверенных долговых бумаг (особенно, так называемых периферийных стран ЕС), объявив начало с марта 2015 г. еще одной из них, рассчитанной до сентября 2016 г. и предусматривающей выделение на нее 1,14 трлн евро, и осенью 2014 г. понизил учетную ставку до 0,05 %. Всё указанное сделало ставку депонирования КБ в ЦБ отрицательной, а кредит КБ для их заемщиков крайне дешевым. Однако, серьезного и заметного улучшения макроэкономической ситуации там все равно не наблюдается, фиксируя тупик использования кейнсианских методов

стимулювання в умовах нинішньої моделі глобалізації з імманентними їй спекулятивно-олигархічними рисами.

Литература

1. Римар О.Г. Фіскальна ефективність податкової системи в контексті антикризового регулювання / О.Г. Римар // Актуальні проблеми економіки. – 2011. – № 4. – С. 224-227.
2. Топій І.І. Механізм оцінювання рівня успішності антикризових дій / І.І. Топій // Економіка і держава. – 2011. – № 2. – С. 88-91.
3. Уманців Ю. Фінансово-економічна криза як новітній виклик конкурентній політиці / Ю. Уманців // Банківська справа. – 2011. – № 2. – С. 72-82.

СТАНОВЛЕННЯ КОНЦЕПЦІЇ ЛЮДИНИ В СИСТЕМІ ЕВОЛЮЦІЙНОЇ ЕКОНОМІЧНОЇ ТЕОРІЇ

*Н.І. Волкова, к.е.н., доцент
Одеський національний політехнічний університет*

Одним із сучасних напрямків наукових досліджень є еволюційний підхід, який заснований на ідеях нелінійності та самоорганізації складних економічних систем. Еволюційний підхід привертає увагу багатьох економістів. Для його реалізації потрібна не констатація еволюціонізму як такого, а вміння його застосовувати у якості загальнонаукового методу. В такому випадку здійснюється еволюційне пояснення не тільки окремих явищ, але й розробка основ фундаментальної теорії економіки. Еволюційна економічна теорія розширює традиційну проблематику та категоріальний апарат на основі синтезу різних підходів до аналізу розвитку соціально-економічних систем. Еволюція економічної практики може бути зрозумілою на основі підходу, коли одночасно досліджується минуле, теперішнє та майбутнє.

Економічна теорія еволюціонує у напрямі поглиблення та розширення фундаментальних проблем цивілізаційного розвитку суспільства. При цьому головним об'єктом аналізу залишається людина і, одночасно, вона є суб'єктом будь-якої соціально-економічної системи. Незалежно від усіх трактувань предмету економічної теорії, людина займає центральне місце як вихідний пункт, міра та самоціль усіх процесів, що відбуваються в суспільстві.

В аспекті зазначеного, проблемою людини займалися представники всіх напрямків економічної теорії, а із сучасних вчених слід відзначити роботи Д.П. Богині, Ю.К. Балашова, О.А. Грішнєвої, А.С. Гальчинського, В.М. Геєця, М.І. Долишного, Я.М. Дуткевича, Є.І. Крихтіна, В.І. Куценко, В.Д. Лугового, В.Д. Лагутіна, С.В. Мочерного та ін.